

тять Попова потому, что въ первый разъ замѣтилъ его разстроеннымъ. Въ общемъ разговорѣ въ квартирѣ Попова, между прочимъ, было высказано сожалѣніе, что въ Курскѣ нѣтъ порядочной, довольно полной библиотеки, что учителя гимназіи, за весьма немногими исключениями, не соответствуютъ своему назначенію, а потому и не могутъ оказать благотворнаго вліянія на учениковъ. Въ гостинницѣ Золотой Якорь онъ, Лавреніусъ, на собраніи вмѣстѣ съ другими не былъ. Положительнаго намѣренія открыть въ Курскѣ библиотеку онъ не имѣлъ, хотя и высказывалъ сильное о томъ желаніе, и никому не поручалъ закупать книгъ у букинистовъ собственно съ этою цѣлью. Относительно трехъ писемъ Майкова къ нему и нѣкоторыхъ находящихся въ нихъ выраженій Лавреніусъ отозвался, что онъ и раньше думалъ продать имѣніе свое и на полученныя деньги открыть торговлю напр. хлѣбомъ. Майкову, какъ купцу по происхожденію, онъ сообщилъ объ этомъ предположеніи, причѣмъ довѣрилъ бы ему выборъ лица, которое могло бы вести торговлю безъ непосредственнаго его, Лавреніуса, участія, хотя и подъ его контролемъ и наблюденіемъ. Упомянутый въ письмѣ проектъ и касается именно проекта какой-бы то ни было торговли. Кого имѣлъ въ виду Майковъ подъ именемъ обанкротившагося купца З., не помнитъ, что разумѣлъ Майковъ подъ фразой „здѣшняя фирма торгуетъ хорошо“ онъ, Лавреніусъ, не понимаетъ. Что касается прибавки жалованья, то это относится до высылки Майкову жалованья. Стихи подъ заглавіемъ „У гроба“ переписаны имъ изъ номера газеты „Земля и Воля“, полученнаго имъ по почтѣ и разорваннаго. Ивана Васильевича Леванды онъ не знаетъ, но желалъ имѣть съ нимъ дѣла исключительно коммерческія, такъ какъ онъ купецъ. Узналъ о немъ и его адресѣ—не упомянуть отъ кого; писемъ къ нему не писалъ. Въ Харьковѣ предъ арестованіемъ ѣздилъ по своимъ частнымъ дѣламъ. Въ Харьковѣ ни съ кѣмъ не видѣлся, ни у кого не былъ и никто къ нему не приходилъ, кромѣ комисіонеровъ, которымъ давалъ слѣдующія порученія: купить носки, покупать наты и провожать его въ прогулкахъ по городу. Имѣніе свое онъ запродавалъ г-жѣ Буниной и въ задатокъ получилъ отъ мужа ея около пяти тысячъ рублей. Ни съ какимъ Спицынымъ онъ, Лавреніусъ, не знакомъ, никакой акушерки Чернышевой не знаетъ. Евгения Попова считалъ за человѣка погибшаго въ общемъ значеніи этого слова. На допросѣ 7 апрѣля Лавреніусъ возразилъ противъ показанія дворянина Родзевича по производящемуся въ г. Варшавѣ дознанію. Показаніе это между прочимъ касается обстоятельствъ, имѣющихъ значеніе и для настоящаго дѣла, а именно: Родзевичъ утверждаетъ, что при встрѣчахъ Лавреніусъ постоянно только и велъ разговоръ о социализмѣ; говорилъ, что русская молодежь не умѣетъ взяться за дѣло, что достаточно 50 тысячъ, чтобы послѣдовала социальная революція; также говорилъ, что необходимо обратить вниманіе на гимназистовъ послѣднихъ двухъ классовъ, чтобы изъ нихъ выработать социальныхъ дѣятелей, что съ этой цѣлью онъ (Лавреніусъ) и завелъ знакомство съ гимназистами Варшавской первой гимназіи. Еще говорилъ, что онъ (Лавреніусъ) былъ въ Петербургскомъ университетѣ, но вслѣдствіе знакомства съ компрометированными личностями и вслѣдствіе того, что за нимъ слѣдила тайная полиція, онъ долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга. 14 сентября 1880 года, въ день отъѣз-

да своего въ Петербургъ, онъ, Родзевичъ, получилъ отъ Лавреніуса 25 руб., съ тѣмъ, чтобы на эти деньги непременно купить для Лавреніуса: Землевладѣніе и земледѣліе князя Васильчикова Исторію революціи 1778 г. Герье-Поже, сочиненія Лассалы въ русскомъ переводѣ, романъ „Что дѣлать“ Чернышевскаго и Исторію французскаго крестьянина. Такія указанія Родзевича, за исключеніемъ порученія покупки нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ книгъ, Лавреніусъ признаетъ невѣрными (л. 178). На допросѣ 20 апрѣля Лавреніусъ показалъ, что студента Лебедева онъ знаетъ, познакомился съ нимъ чрезъ Рафаила Чернышева въ квартирѣ Лебедева. Пробылъ тогда у Лебедева часа полтора или два. Разговорившись съ нимъ, коснулись общихъ знакомыхъ, причѣмъ Лебедевъ просилъ передать письмо его знакомому Спицыну. Письмо это на другой день было принесено къ нему женою Лебедева. Не припомнитъ, говорилъ ли Спицынъ ему, Лавреніусу, что-либо о своей поѣздкѣ въ Харьковъ, а равно и передавалъ ли что-либо Лебедеву о томъ. Въ разговорѣ съ Лебедевымъ касались общественной жизни въ губерніяхъ Царства-Польскаго, но ни о чемъ преступномъ не говорили; Лебедевъ у него въ гостинницѣ не былъ, и онъ былъ у Лебедева только одинъ разъ. Знакомства съ Лебедевымъ искалъ онъ, такъ какъ слышалъ, что тотъ очень развитый человѣкъ. Отъ кого это слышалъ—не припомнитъ, но кажется въ Варшавѣ и, сравнительно, давно (215). На допросѣ 31 мая Лавреніусъ показалъ, что въ гостинницѣ Догмара прислуга не спрашивала его откуда онъ пріѣхалъ и куда уѣзжаетъ, и потому совершенно произвольно записали его 6 марта пріѣхавшимъ изъ С.-Петербурга и выѣхавшимъ 10 марта въ Ростовъ. (Л. 353 и 64) Майковъ на допросѣ 14 марта показалъ, что онъ съ дворяниномъ Лавреніусомъ познакомился года два или три тому назадъ въ г. Курскѣ совершенно случайно. Съ нимъ же ѣздилъ въ г. Варшаву для поступленія тамъ въ ветеринарную школу. Въ Варшавѣ жилъ недѣли съ двѣ вмѣстѣ съ Лавреніусомъ, затѣмъ перешелъ отъ него на другую квартиру, но продолжалъ видѣться съ нимъ до выѣзда изъ Варшавы въ сентябрѣ 1879 г. Затѣмъ встрѣтился съ нимъ уже въ декабрѣ 1880 года, когда Лавреніусъ пришелъ къ нему и сообщилъ свой адресъ въ Полторацкихъ номерахъ, куда онъ, Майковъ, пришелъ на слѣдующій день, и Лавреніусъ сообщилъ, что пріѣхалъ въ Курскъ по своимъ имущественнымъ дѣламъ. Въ концѣ января того-же года Лавреніусъ ѣздилъ въ Щигры, по возвращеніи откуда помѣстился въ № 5 гостинницы Монтрезоръ. По приходѣ туда къ Лавреніусу, послѣдній сообщилъ, что имѣніе свое запродавалъ г-жѣ Буниной и показалъ три тысячи рублей, полученные задаткомъ. Онъ, Майковъ, довольно часто бывалъ у Лавреніуса (л. 35 об.). На допросѣ 23 марта, подтвердивъ это показаніе, Майковъ объяснилъ, что онъ съ Лавреніусомъ постоянной переписки не велъ, а только въ концѣ 1879 или въ началѣ 1880 годовъ написалъ ему одно письмо и отъ него тоже получилъ на это одно отвѣтное письмо. Изъ предъявленныхъ ему, Майкову, трехъ писемъ (найденныхъ въ квартирѣ Лавреніуса въ Варшавѣ) два письма изъ Курска, отъ 2 и 20 іюля 1880 года, значущіяся подъ № 2 и 3, писаны имъ. Что касается третьяго письма, отъ 17 іюня того же года изъ С.-Петербурга, то кажется и это письмо писано имъ. Почеркъ на письмѣ его, но и у другаго можетъ быть подобный почеркъ. Если же оно дѣйствительно писано имъ, Майковымъ,

то писано по порученію Леванды, и потому о содержаніи письма и о какомъ Московскомъ заводѣ и купцѣ З. говорится въ письмѣ—не можетъ ровно ничего объяснить. Леванда имени его не знаетъ, пріѣзжалъ въ Варшаву для поступленія въ техническую школу, познакомился съ нимъ у Лавреніуса. Въ бытность свою въ Петербургѣ, послѣдній разъ съ октября 1879 по іюнь 1880 года для полученія аттестата зрѣлости, съ цѣлью поступленія въ Университетъ, онъ, Майковъ, встрѣтился съ нимъ на улицѣ, былъ раза два у него въ квартирѣ на углу Казанской площади. Когда писалъ письмо къ Лавреніусу по порученію Леванды, подъ его диктовку, то послѣдній содержанія письма не объяснилъ, а сказалъ только, что Лавреніусъ ему столько-то долженъ. Почему Леванда не писалъ самъ—не знаетъ и о томъ его не спрашивалъ. Проектъ, о которомъ говорится въ письмѣ Лавреніуса, означалъ планъ какъ получить ему, Майкову, свидѣтельство изъ Варшавской полиціи о своемъ поведеніи, для поступленія въ Варшавскую ветеринарную школу, а именно: Лавреніусъ говорилъ ему, что можно получить поживши нѣсколько времени въ Варшавѣ; говорилъ это въ сентябрѣ 1879 года, предъ отъѣздомъ его, Майкова, въ Петербургъ. Убѣдившись, что не можетъ сдать экзаменъ въ гимназіи, онъ уѣхалъ въ г. Курскъ, откуда и написалъ Лавреніусу, чтобы послѣдній написалъ ему какіе нужно взять документы съ собою и, вообще, какъ сдѣлать, чтобы взять свидѣтельство отъ Варшавской полиціи. Это-то собственно онъ и разумѣлъ подъ проектомъ въ письмѣ. Указанный въ письмѣ № 2-й хорошій знакомый, съ которымъ онъ хотѣлъ познакомить Лавреніуса въ августѣ 1880 года, есть учитель народной школы Николай Дмитриевичъ Титковъ. Однако познакомиться съ нимъ Лавреніуса не удалось вслѣдствіе арестованія его, Майкова, по политическому дѣлу. Написанное въ письмѣ № 2-й „онъ хочетъ открыть торговлю вмѣстѣ съ вами, ему необходимъ проектъ теперь“—есть фраза ничего незначащая, впрочемъ, кажется, фраза эта означала, что Титковъ хочетъ познакомиться и поговорить съ Лавреніусомъ, такъ какъ онъ говорилъ Титкову о Лавреніусѣ, какъ объ очень умномъ человѣкѣ. Написаннаго въ томъ же № 2 письмѣ про купца З., онъ не понимаетъ, а написать это опять-таки по просьбѣ Леванды, такъ какъ послѣдній, предъ отъѣздомъ его, Майкова, изъ Петербурга, сказалъ, что отвѣта отъ Лавреніуса не получилъ и просилъ вторично не писать въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя изложены въ письмѣ. Сказанное выше о проектѣ, въ смыслѣ полученія полицейскаго свидѣтельства, относится собственно до письма № 3. Написанное въ этомъ письмѣ „обозначьте необходимую сумму, а также и вашъ взносъ“, значитъ слѣдующее: Лавреніусъ хотѣлъ за него внести деньги въ ветеринарную школу и потому онъ просилъ Лавреніуса написать ему сколько вообще ему будетъ стоить жизнь и поступленіе въ школу и сколько Лавреніусъ съ своей стороны дастъ ему. Въ февралѣ этого года, въ бытность въ гостинницѣ Монтрезоръ, кромѣ Бунина, никого у Лавреніуса не видѣлъ. Въ томъ же мѣсяцѣ, въ бытность въ квартирѣ у Попова, засталъ тамъ нѣсколько человѣкъ, фамилій ихъ не знаетъ; между ними Лавреніуса не замѣтилъ; разговоръ былъ частный; общаго разговора о воспитаніи, объ открытіи библиотеки въ г. Курскѣ, о вербованіи членовъ, учрежденіи кассы и т. п., не было. Фамиліи Спицына не слышалъ, а въ лицо можетъ быть и знаетъ его. На допросѣ 24 марта,—что онъ, Майковъ, представляетъ въ силѣ только показаніе отъ 14 марта, а предшествующее показаніе, отъ 23 марта, совершенно измѣняетъ, и затѣмъ показалъ слѣдующее: въ маѣ 1880 года онъ получилъ отъ Лавреніуса письмо, которымъ тотъ приглашалъ его въ Варшаву повидаться съ собою. По пріѣздѣ къ Лавреніусу, послѣдній сообщилъ, что хочетъ устроить въ г. Курскѣ обширную городскую библиотеку, съ цѣлью дать возможность учащейся молодежи получать за малую